

18+

Стефан Баранов

Жара

Стефан Баранов

Жара

«Издательские решения»

Баранов С.

Жара / С. Баранов — «Издательские решения»,

Стефан Баранов — молодой автор, родившийся в Минске 17 октября 2012 года. С раннего детства его жизнь была разделена между спортивной дисциплиной хоккея, где он выступал в роли защитника, и безграничным миром собственной фантазии. В 2024 году судьба привела его семью в Узбекистан, в город Джизак, где он и учится в самой обычной средней школе.

© Баранов С.

© Издательские решения

Содержание

Джизак.	6
Приговор	15
Передышка.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жара

Стефан Баранов

Редактор Николай Баранов

© Стефан Баранов, 2026

ISBN 978-5-0071-3043-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джизак.

ГЛАВА 1. ЗНОЙ

Сознание возвращалось к Стёпе не рывком, а медленным, мучительным всплытием из сонного небытия. Снился ужас, где небо капало расплавленным металлом, и этот сон был настолько плотным, что, когда он наконец открыл глаза, ещё несколько секунд не мог понять, где реальность, а где продолжение кошмара. А потом понял: реальность была хуже.

Он лежал в луже собственного пота. Простыня под ним отсырела насквозь, влажная ткань тяжело облежала спину, прилипала при малейшем движении. Он попробовал пошевелить рукой — мышцы отозвались тупой, ноющей тяжестью, будто он не спал, а всю ночь таскал мешки с цементом. Воздух в комнате стоял густой и спёртый, как в закупоренной банке: делаешь вдох, а лёгкие наполняются не кислородом, а горячей вонючей ватой, которая оседает где-то в груди и не даёт сделать второй. Стёпа повернул голову к окну, ожидая услышать знакомый ровный гул кондиционера — за полгода этот звук стал для него синонимом ночного покоя, той единственной роскоши, которую позволяла эта страна в разгар лета.

Тишина. Звенящая, абсолютная, нарушаемая только назойливым жужжанием одной-единственной мухи, которая билась о потолок с упорством камикадзе. Кондиционер над окном был мёртв — на дисплее не горел ни один светодиод, ни красный, ни зелёный, ни даже тот тусклый дежурный синий огонёк, обычно светившийся даже в выключенном состоянии. Он не сломался с треском и искрами, не выдал предсмертного хрипа — просто сдался, тихо и окончательно, не выдержав ночной битвы с этим проклятым пеклом.

Стёпа сел на кровати. Встал. Голова закружилась, перед глазами поплыли тёмные пятна. Подождал, пока они растворятся, и посмотрел на термометр за окном — старый ртутный, который мать повесила снаружи, когда поняла, что электронные врут на три-четыре градуса. Столбик застыл на отметке +41. В семь утра. В тени.

— Тёпленько, очень, — выдохнул он шёпотом, и этот шёпот прозвучал хрипло, будто горло пересыпали песком. На стуле висела чистая рубашка. Мать постирала её вечером и оставила сохнуть — обычно за ночь в такую жару ткань высыхала намертво, становилась жёсткой, как накрахмаленная. Сейчас Стёпа коснулся её пальцами и поморщился: материя была влажной, тяжёлой, пропитанной ночной сыростью, которая не испарилась, а впиталась глубже обычного. Он не расстёгивая пуговиц (странная привычка мамы застёгивать рубашку после стирки), натянул её через голову, и рубашка не наделась, а прилипла к плечам и спине, противно облекая тело, как змеиная кожа, которую снимать было неудобно, а носить — невыносимо. Выругался сквозь зубы и двинулся к двери. Каждый шаг давался с трудом — ноги не слушались, двигались медленно, вязко, будто шёл не по полу, а по дну горячего озера.

На кухне было не лучше. Мать стояла у стола и молча разливала по кружкам чай — тёплый, почти горячий. Отец сидел напротив, уставившись в телефон. Палец несколько раз провёл по экрану, пытаясь разблокировать, но экран мигнул и погас.

— Свет опять вырубил, — буркнул он, не поднимая головы. — И сеть не ловит. Вообще. Полный аут.

Голос звучал спокойно, деловито, но Стёпа заметил, как дёрнулась щека — мелькнула та самая судорога, которая появлялась у отца, когда он пытался скрыть раздражение. В последнюю неделю отключения вошли в привычку — свет отключали каждый день, сначала на час, потом на три, потом на полдня. Соседи ругались, вызывали аварийку, кто-то даже писал жалобы в хокимят. Но сегодня это было другим. Сегодня это ощущалось не как временные неудобства, а как последний, предсмертный спазм умирающего организма.

— Чай пей, — сказала мать. Голос был ровным, но в нём слышалась та особая нарочитая спокойность, которую люди включают, когда боятся себе признаться в страхе.

Стёпа взял кружку. Горячая жидкость обожгла горло и разлилась внутри жгучей волной, добавляя к внешнему жару внутренний. Чувствовал, как по спине, груди, лицу ползут новые струйки пота, сливались в потоки, стекали за воротник, оставляя на рубашке тёмные влажные пятна. Сделал несколько глотков, потом отставил кружку — чай не лез, горло отказывалось его пропускать.

— Пойдёшь сегодня в школу? — спросила мать, глядя на него из-под чёлки.

— Каникулы ведь, — буркнул Стёпа.

— Но ты же сам в кружок записался. География. Они же вроде объявили, что сегодня первое занятие...

— Мам. — Стёпа посмотрел на неё. — В такую жару никто не придёт. Ни учителя, ни тем более ученики.

Мать вздохнула и отвернулась к плите. Отец поднялся, подошёл к окну, выглянул наружу. Секунду молчал, потом покачал головой.

— Иди, — сказал он, не оборачиваясь. — Если там никого не будет — сразу обратно. Но сходи. Хотя бы "проветришься".

Стёпа хотел возразить — какое, к чёрту, проветривание, когда на улице, судя по всему, уже не просто жара, а что-то более адски - люто - зловещее. Но промолчал. Бесполезно. Отец всегда так — применял свою любимую технику «выбор без выбора», как обычно: «Ты выучишь уроки до обеда или после?» И выбора на самом деле не было.

Он вышел в коридор, натянул кроссовки. Стельки ещё не просохли после вчерашней стирки — мать мыла их в тазу, потому что стиральная машина тоже стояла мёртвой уже второй день. Стёпа сунул ноги в мокрую, противно липнущую обувь, и это на удивление, было почти приятно, ровно до тех пор, пока не вышел из квартиры.

Лифт само собой не работал. Спускался по лестнице пешком, и с каждым этажом температура росла — чувствовал это кожей, как чувствуешь приближение к костру. На третьем этаже воздух стал другим — не просто горячим, а тягучим, пропитанным запахом подгнивающих мусорных пакетов и вонючих ботинок, выставленных соседями возле дверей. На втором к этому добавился сладковатый, тошнотворный запах перегретой проводки. Когда он открыл дверь подъезда, на него обрушилась стена зноя — настолько плотная, что Стёпа на секунду зажмурился и сделал шаг назад.

Металлическая ручка оказалась обжигающе-горячей. Он дёрнул её через подол майки, натянув ткань на ладонь — этого хватило, чтобы не обжечься. Перехватил ручку поудобнее и вышел наружу. Воздух здесь стоял плотный, дрожащий, он струился над асфальтом призрачными волнами, искажая очертания домов, делая их расплывчатыми, как в некачественном кино. Стёпа сделал вдох, и ему показалось, что он вдохнул не воздух, а раскалённый песок.

Улица выглядела неестественно. Светофор на перекрёстке погас, и на его месте чернел пустой столб с тремя мёртвыми паучиными глазницами. Водители, запертые в железных коробках машин, непрерывно сигналили — гудки сливались в один пронзительный, истеричный вопль, который резал уши. В центре перекрёстка, обливаясь потом так, что белая рубашка прилипла к телу и стала почти прозрачной, метался регулировщик. Свисток звучал беспомощно и тонул в общем гомоне. Слышались крики, ругань на узбекском — хриплые, сорванные голоса, в которых ярость смешивалась с отчаянием.

Машин было мало, и они ползли, как раненные звери. От радиаторов валил густой дрожащий пар. Стёпа видел, как один «Дамас» встал посреди дороги, из-под капота повалил белый дым, а водитель, с красным от напряжения лицом, беспомощно тыкался в смартфон — тот, судя по всему, уже умер так же, как и всё вокруг. Никто не спешил на помощь. У каждого был свой бой — бой с перегревом, который не выигрывали.

Стёпа пошёл, стараясь держаться подальше от дороги. Свернул в проулок, где дома отбрасывали хоть какую-то спасительную тень, но тень эта была обманчивой — воздух под ней оста-

вался таким же убийственно плотным и горячим, просто солнце не слепило глаза. Солнце било не по коже — оно проникало сквозь неё, прогревало кости, выжигало мысли. Шёл, опустив голову, и казалось, что он единственный живой человек на этой планете, а вокруг — только декорации ада.

Стёпа свернул к чайхане. Старый, закопчённый полосатый навес давал хоть какую-то надежду на передышку. Под ним, в "прохладе" (относительной, градусов тридцать пять, но это уже казалось спасением), сидели старики. Обычно они вели неспешные беседы, попивая зелёный чай из цветастых пиал, лица были спокойными и мудрыми. Сейчас сидели сгорбившись, и голоса — раньше ровные и неторопливые — звучали тревожно, почти панически. Они спорили, тыча пальцами в небо, выцветшее до белёсого, будто его выжгли добела, как старую кость.

Один из стариков, самый древний, с лицом, испещрённым морщинами, похожими на высохшее дно реки, медленно поднялся. Движения были тяжёлыми, скованными — он явно чувствовал жару сильнее всех. Не смотрел на небо. Взгляд, мутный и внимательный, прикован к земле. Опустившись на корточки с кряхтением, вонзил костлявые пальцы в потрескавшуюся, раскалённую землю у самого края асфальта. Поднял горсть, посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом, перекатывая сухую, пыльную субстанцию в ладони, будто пробовал на вес. Потом разжал пальцы — и земля тонкой рыжей струйкой потекла обратно, не оставляя на коже ни следа влаги. Только сухой, белый налёт, как пепел.

Старик поднял глаза. В них читался не страх — страх он, видимо, пережил много лет назад. В них читалась уверенность. Уверенность в катастрофе.

— Земля сухая, как пепел, — сказал на своём языке, и голос прозвучал тихо, но Стёпа, не зная всех слов, понял суть. — Даже в самый страшный зной земля помнит о воде. Эта — забыла.

Старик снова посмотрел на свои руки, стряхнул остатки пыли и медленно, опираясь на палку, поднялся.

— Чего он сказал? — спросил Стёпа у соседа, молодого парня, сидевшего рядом.

Тот повернулся, пожал плечами.

— Говорит, что лето кончилось. Что теперь не лето, а жатва. — Парень усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой. — Старый, бредит.

Стёпа не ответил. Стоял и смотрел на струйку песка, бегущую сквозь пальцы старика. И в этот момент понял, что слышит. Вернее — что не слышит. Цикад. Их оглушительный, пронзительный стрекот, этот звуковой фон узбекского лета, который всегда раздражал, который ненавидел в первые дни, а потом привык, — его не было. Ни звука. Ни единого. Только тишина, мёртвая и звенящая, нарушаемая отдалённым гулом моторов, гудками, руганью и голосами стариков.

— Цикады... — прошептал он.

Парень переглянулся со стариком.

— Ты прав, — сказал старик, глядя на Стёпу с каким-то новым, почти уважительным интересом. — Даже они ушли.

Стёпа прислонился к стене. Она была раскалённой, обжигающей, но не чувствовал этого — внутри нарастал холод. Тот самый холод, который бывает перед худшим. Понял это внезапно, отчётливо, со всей ясностью, которая даётся только в момент, когда мир вокруг меняется бесповоротно. Это была не просто жара. Это было нечто иное. Что-то сломалось — не в технике, не в погоде. В самом мире. В его механизме. В том невидимом порядке, который держал всё вместе.

И самое страшное: он, четырнадцатилетний парень с далёкой зелёной родины, понял это раньше всех.

Бежать было бесполезно. Бег разгонял горячую кровь, заставлял сердце выстукивать в висках отчаянную дробь. Стёпа выработал свою тактику — короткие перебежки от одного островка тени к другому. Пять шагов под палящим солнцем, обжигающим макушку даже через волосы, — и рывок под раскидистый тutowник. Ещё пять — к стене гаража, потом под козырёк магазина. Здесь, в тени, можно сделать несколько жадных, коротких вдохов. Воздух и тут горячий, но хотя бы не смертоносный.

В эти короткие передышки, когда он стоял, прислонившись лбом к нагретой штукатурке, накрывало. Не мыслями — видениями. Яркими, как вспышки, и такими болезненными, что щемило под сердцем.

Перед ним возникал не палящий асфальт Джизака. Трава. Густая, изумрудная, холодная от утренней росы. Бежал по ней босиком, и влажные свежескошенные отцом травинки щекотали подошвы — не пыль, а роса, настоящая, живая вода, которая остаётся на траве до полудня. Дача. Небольшая, уютная, с резными наличниками, которые отец сам вырезал по выходным. За ней — берёзовая роща. Белые стволы, как свечи, уходили в небо, а кроны переплетались, создавая живой, вечно шелестящий зелёный шатёр. Солнечные лучи пробивались сквозь листву редкими золотистыми столбами, в которых танцевали комары и мошки — мелкие, едва заметные. И прохладно. Прохладно! Он вспоминал это физическое ощущение — лёгкий озноб на коже, мурашки, бегущие по рукам от ветерка. Сейчас отдал бы всё за этот озноб.

Отец заказал экскаватор и выкопал на участке дачи пруд. Не для красоты, не для рыболовства, а «для души», как он говорил. Запустил туда карасей, линя и ещё каких-то мальков, привезённых с соседнего озера. Стёпа помнил, как они сидели на самодельном мостике с очень старыми удочками (где папа их нашёл, осталось загадкой), сделанными из бамбука. Тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев, кваканьем лягушек и всплеском рыбы. Прохладная влага подымалась от воды, пахла тиной и дикой мятой, росшей у самого берега. Помнил бронзовый бок карася, бьющегося на крючке — отец тогда сказал, что он бронзовый, потому что вода у них железная, мутная от торфа. Помнил гордое лицо отца, когда он снимал рыбу. А после — шашлык из лаваша с сыром сулугуни, который заворачивали и жарили на углях, пока сыр не плавился и не начинал подтекать через края. Помидорка внутри, горячая и сладкая. Дымок от мангала, смешивавшийся с вечерней прохладой и запахом скошенной травы и берёзовой листвы.

Друзья. Мухин и Заяц. Стёпа почти забыл их лица, но помнил смех — звонкий, мальчишеский, он разносился по лесу и возвращался эхом от берёзовых стволов. Игра в войнушку, когда можно спрятаться за любым деревом, залечь в высокой траве и ждать, пока враг пройдёт мимо. А после — разгорячённые, мокрые от пота, но не от жары, а от беготни, садились на крыльцо, и мать выносила холодный квас в большой кружке. Белорусский, «Лидский», с хлебным духом и кислинкой, от которого кололо язык, но который тек по пересохшему горлу живительной прохладой, разливаясь по всему телу облегчением.

Зачем уехали от этого? Зачем променяли берёзовую прохладу и рыбалку на этот выжженный пыльный ад, умиравший у него на глазах?

В голове, как заезженная пластинка, крутился тот разговор. Родители за ужином, полгода назад. Отец говорил тихо, но с огоньком в глазах, которого Стёпа раньше не видел — «интересный проект», «там нужны такие специалисты», «мы попробуем, всего на год». Мать кивала, но в её глазах Стёпа прочитал тревогу, которую старалась скрыть. «Перспективы», «хорошие условия», «Стёпа, тебе там будет полезно, новый язык, новая культура». Он не слушал. Злился, хлопнул дверью, ушёл к себе. Ему было плевать на перспективы. У него был лес, друзья, школа, в которой его знали все — и он знал всех. А теперь он чужак в городе, где даже воздух враждебный.

Отец был гением. Стёпа знал это — не просто сыновья гордость, а факт. Отец мог починить всё, что сломано, мог объяснить такое, что учителя в школе разводили руками. Но сейчас,

глядя на мёртвый светофор и водителей, оравших друг на друга в бессильной ярости, Стёпа понял: отец не мог просчитать это. Никто не мог.

Он оттолкнулся от стены и сделал ещё один рывок. Ноги были ватными, в ушах звенело, и всплывший из уголков памяти вкус кваса во рту сменился привкусом меди и пыли. Воспоминания были сладким ядом — не помогали, лишь острее показывали весь ужас происходящего. Он медленно шёл по аду, неся в себе память о рае, и это воспоминание было тяжелее любой жары.

Перед ним, наконец, показалась школа. Серое, унылое здание с большими стеклопакетами, которые тускло отражали выпцветшее небо. В обычный день здание школы навевало тоску, сейчас казалось спасительным убежищем. Стёпа прибавил шаг — насколько позволяло тело, — подошёл к алюминиевой двери и толкнул её. Внутри было темно. И тихо.

— Есть кто? — крикнул, и голос прозвучал глухо в пустом коридоре.

Никто не ответил.

Холл встретил Стёпу тяжёлым, спёртым воздухом, который, казалось, застоялся здесь ещё с прошлого учебного года. На улице было невыносимо, но внутри оказалось немногим лучше — та же жара, только без солнца, безветренная, с примесью запахов пыли, старого линолеума и того особого тяжёлого школьного духа, который в обычные дни казался привычным, а сейчас давил на горло. Где-то из глубин здания потянуло вонючим подростковым потом и влажной тканью из раздевалки спортзала — так пахло всегда, только Стёпа раньше не обращал на это внимание.

Стёпа сразу направился к кулеру. Белая пластиковая коробка стояла у стены, одинокая и, как ему казалось, последняя надежда. Он нажал кнопку, и из горлышка с трудом полилась тонкая струйка воды. Откровенно тёплая — резервуар давно не остывал, потому что охладитель кулера сдох, кондиционер в холле тоже сдох, как и все остальные. Стёпа сделал несколько глотков прямо из горлышка принесённой пластиковой бутылки, потом набрал полный рот, подержал и проглотил. Привкус пластика и нагретой до температуры тела воды осел на языке противным, химическим осадком. Но вода есть вода. Он допил остатки до дна, вытер губы тыльной стороной ладони и только тогда заметил охранника.

Дядя Шавкат сидел на своём посту у входа. В мокрой рубашке, которая прилипла к груди и плечам так, что сквозь ткань угадывались очертания его пуза. Он снял свою серую форменную кепку и теперь вытирал ею лицо — пот градом катился по лбу, щекам, собирался в капли на кончике носа и падал на стол. Кепка давно уже была мокрой насквозь и только размазывала влагу по коже, но дядя Шавкат продолжал машинальное движение, будто это могло помочь.

— Здравствуйте, Шавкат Ака, — сказал Стёпа.

Охранник поднял глаза. Взгляд был тяжёлым, уставшим.

— Ассалому алейкум. Пришёл? — голос хрипел. — Зачем пришёл? Никого нет.

— Меня мама отправила. Сказала, география. Нужно быть.

Дядя Шавкат махнул рукой куда-то в сторону коридоров.

— Иди, иди. Там, говорят, учительница пришла. Одна, на всю школу? делать ей нечего...

— Он снова вытер лицо кепкой и бросил её на стол. — Только толку? Температура, как в тандыре.

Стёпа двинулся по коридору. Классы стояли пустые — через открытые настежь двери он видел ряды пустых парт, мёртвые экраны интерактивных досок, стулья, задвинутые под столы. Кое-где окна были распахнуты настежь — кто-то пытался поймать хоть какой-то ветерок, создать подобие сквозняка. Но ветра не было. Был только зной, медленно вползающий в помещения через открытые проёмы, смешивающийся с душным внутренним воздухом и делающий его ещё более тяжёлым и негодным для дыхания.

На втором этаже, в кабинете географии, Стёпа нашёл Мираджу Умидовну. Она сидела за учительским столом, обмахиваясь сложенной тетрадью. Маленькая, сухонькая женщина лет

пятидесяти, которая обычно была собранной и строгой — сейчас выглядела растерянной. Её лёгкое летнее платье промокло на спине и под мышками, волосы, всегда уложенные в аккуратный пучок, выбились и прилипли к вискам.

— Степан? — она подняла голову, когда он вошёл. — Ты пришёл. Хорошо. Молодец.

Он посмотрел на аудиторию. В классе сидело пятеро — тонкая горстка, размазанная по рядам. Все мокрые, все с красными лицами, все сидят как можно дальше друг от друга, чтобы не создавать лишнего тепла. За окнами — пустой двор, выцветшее небо, ни звука, только редкие гудки машин.

— А остальные? — спросил Стёпа, опускаясь на первую парту.

Мираджа Умидовна пожала плечами. Движение вышло усталым, почти безразличным.

— Остальные дома. Кому-то родители не разрешили выходить. Кто-то сам не захотел. — Она поправила очки и посмотрела на немногочисленных учеников. — Ладно. Будем заниматься с теми, кто есть.

Она поднялась, подошла к карте — старой, пожелтевшей, висевшей рядом с интерактивной доской, которая давно погасла и теперь была просто чёрным зеркалом. Указка в руке дрожала, когда она поднесла её к Евразии.

— Глобальное потепление, — сказала она, и голос звучал устало, почти обречённо. — Процесс, который, согласно последним данным, растянут на столетия. Медленное таяние ледников, постепенный рост уровня мирового океана...

Она говорила, и Стёпа слушал вполуха. Смотрел на карту, на голубые пятна океанов, на зелёные массивы лесов — там, где на самом деле сейчас была пустыня. Всё это казалось неправильным. Не сегодня.

— ...влияние парниковых газов и антропогенного фактора, — продолжала Мираджа Умидовна. — Однако природа обладает механизмами саморегуляции. Если дать ей время...

И тут снаружи, откуда-то со стороны трансформаторной будки — Стёпа знал это место, маленький бетонный ящик за забором, который постоянно гудел, — раздался звук. Глухой, мощный, как если бы кто-то ударил кувалдой по пустой бочке. ХЛОПОК. Здание дрогнуло едва заметно, но этого было достаточно. Свет в кабинете — тот немногий, который ещё теплился благодаря старому генератору, — мигнул раз, второй и погас окончательно. Интерактивная доска, уже мёртвая, теперь стала просто зеркалом, в котором отражались их лица: испуганные, мокрые, с широкими глазами.

Тишина. Секунда. Другая.

Потом Мираджа Умидовна медленно опустила указку и повернулась к окну. Сделала шаг, другой, выглянула наружу. Стёпа встал следом. Остальные тоже поднялись, кто-то шёпотом спросил «что это было?», но никто не ответил.

Сквозь распахнутое окно, с улицы, доносился звук. Нестройный, мощный, нарастающий гомон. Тысячи голосов — птичьих, беспорядочных, истеричных.

Стёпа высунулся по пояс в окно и поднял голову.

Небо было выцветшее, белёсое, как старая кость. По нему, с востока на север, летели птицы. Много птиц. Так много, что они закрывали небо не стаяй — рекой. Сплошным движущимся потоком, в котором невозможно было различить отдельных особей. Аисты, цапли, утки, мелкие пичуги — все вместе, сбившись в паническую беспорядочную массу. Они кричали — резко, отрывисто, отчаянно. Их крики сливались в один сплошной звук, который нарастал и нарастал, заполняя собой всё пространство.

Они летели не на юг. Летели на север. Туда, где, по идее, должна была оставаться прохлада. В Сибирь.

Стёпа смотрел и не мог оторваться. Пот заливал глаза, но он не моргал. Где-то внутри — там, где обычно находится голос разума, — стучала одна мысль: это неправильно. Птицы не

летят на север в разгар лета. Они не сбиваются в такие стаи. Они не кричат так. Это сбилось не что-то одно. Сбился инстинкт природы.

— Что это? — спросила какая-то девочка с задней парты. Голос был тонким, срывающимся.

Мираджа Умидовна не ответила. Она стояла у окна, сжимая указку в руке, и смотрела на птичий поток так, как смотрят на то, чему нет объяснения. Потом медленно закрыла рот, который приоткрылся от удивления, и сказала:

— Урок окончен. Идите домой.

Её голос был ровным, но в нём появилась та самая нарочитая спокойность, которую Стёпа уже слышал утром от матери. Только теперь он понял: это не спокойствие. Это страх, который прикрыли стеклом, чтобы никто не заметил.

Никто даже не сказал ни слова. Все молча разом поднялись, схватили рюкзаки, рванули к выходу, не дожидаясь повторного приказа. Стёпа задержался на секунду — посмотрел на доску, на её чёрную пустоту, на своё отражение — бледное, мокрое, с вытаращенными глазами. Он выглядел так, будто сам только что прилетел с этими птицами.

Коридор был пуст. Все побежали по домам, топоча по линолеуму. Стёпа дошёл до холла, остановился у кулера. Белая коробка стояла на месте, но он знал, что внутри почти пусто. Всё равно нажал кнопку — подождал, пока ничего не польётся.

Дядя Шавкат сидел на том же месте, только теперь без кепки. Он смотрел в окно, на выцветшее небо, и его лицо было серым.

— Видел? — спросил он, не оборачиваясь.

— Видел, — ответил Стёпа.

Охранник кивнул и больше ничего не сказал.

Стёпа подошёл к туалету. Дверь была приоткрыта. Он толкнул её плечом и шагнул внутрь, но тут же отшатнулся, зажимая нос и рот. Вонь ударила в лицо — удушающая, едкая смесь непромытых унитазов, застоявшейся канализации и ещё чего-то сладковато-гнилостного, что заставило его желудок подкатить к горлу. Без воды насосы не работали. Всё, что накопилось за последние дни, осталось внутри, прогретое жарой до состояния вонючей кашицы с пузырями.

Он выскочил обратно, едва не бляя. Дышал ртом, судорожно, покачиваясь. В глазах потемнело на секунду.

— Воды нет, — выдавил он. — Нигде.

Дядя Шавкат посмотрел на него и покачал головой. Тяжело, медленно.

— Птицы, — сказал он. — Они знают. Всегда знают. — Помолчал, добавил: — Раньше, говорят, так перед войной было. Птицы улетали.

Стёпа стоял в холле, привалившись к стене, и думал только об одном: домой. К родителям. Сейчас это была единственная ясная мысль, единственное направление, которое имело смысл.

Он оттолкнулся от стены и пошёл к выходу. Алюминиевая дверь открылась наружу, и на него снова обрушилась жара — плотная, обжигающая, злая. Птичий поток на небе уже почти растаял вдаль, на севере, оставив за собой чистое выцветшее небо, которое казалось ещё более чужим, чем раньше.

Стёпа шагнул в зной и пошёл, низко опустив голову. В бутылке, которую он держал в руке, оставалось несколько глотков тёплой воды. Он берёт их — на самый крайний случай. Пока ещё не настал момент, но он знал: этот момент приближается.

Стёпа вышел за школьную ограду и сразу понял: за те полтора часа, что он провёл в школе, мир успел измениться. Не так, как меняется погода к вечеру. Не так, как меняется настроение у людей. А так, как меняется лицо у человека, которому только что сообщили смертельный диагноз — всё ещё то же лицо, но глаза уже другие.

Утро было плохим. Теперь стало хуже.

Он двинулся привычным маршрутом — мимо старого тутовника, мимо гаража, под козырёк магазина. Но тени уже не было такой глубокой — солнце поднялось выше и теперь било почти отвесно, превращая каждый островок прохлады в узкую, бесполезную полоску. Стёпа шёл быстро, насколько позволяло тело, и через несколько минут услышал шум. Голоса. Много голосов. Крики, ругань, звон бьющегося стекла.

Он остановился за углом, выглянул.

Магазин «OSAYO» — небольшой, с синей вывеской и пластиковыми стеллажами у входа, где обычно стояли холодильники с напитками и мороженым. Стёпа часто забежал сюда после школы за колой или соком, когда в кармане заводилась мелочь. Теперь магазин выглядел иначе.

Стеклянные витрины холодильников были разбиты — в одной зияла дыра с острыми краями, вторая превратилась в паутину трещин, которые расходились от центрального удара. Внутри было пусто. Всё, что лежало на полках, исчезло. Двери магазина — закалённое стекло в алюминиевой раме — были выбиты, и через проём Стёпа видел тёмный, разгромленный зал. Полки валялись на полу, коробки были распотрошены, их содержимое — пачки с соком, пластиковые бутылки, консервы — исчезло.

Вокруг магазина толпились люди. Человек пятнадцать, не меньше. В основном мужчины, но были и женщины. Все мокрые, красные, злые. Они выносили из разбитого магазина то, что ещё оставалось, и грузили в подъехавшие машины. Рядом стоял старый «Дамас» с открытым багажником, набитый пластиковыми канистрами с водой — Стёпа видел этикетку «Вонаqua» на одной из них. Чуть дальше два мужика сгружали ящики с консервами в кузов «Жигуля», причём делали это так, будто ящики весили тонну — руки тряслись от напряжения и жары.

Хозяин магазина, полный мужчина в расстёгнутой рубашке, стоял посреди этого хаоса. Лицо его было красным, пот заливал глаза, и он вытирал его рукавом — белая ткань стала серой от грязи и пота. Губа была разбита — из неё сочилась тонкая струйка крови, смешанная со слюной. Он хватал одного из мародёров за руку, пытаясь оттащить от прилавка, но тот, коренастый парень в майке-алкоголичке — чёрной, с пятнами и вытянутым воротом, — грубо оттолкнул его. Хозяин споткнулся о порог и упал спиной на раскалённый асфальт. Ударился головой о бордюр — глухо, с неприятным звуком.

— Sizlar ham odamsizlar! — крикнул он, поднимаясь на локтях. — Nima qilyapsizlar? To'xtang!

Стёпа не знал узбекского хорошо, но слова «odamsizlar» — «не люди» — он понял. Понял и интонацию. Отчаяние, смешанное с яростью. И абсолютное бессилие.

Никто не подошёл помочь. Никто даже не обернулся. Мужчины продолжали грузить товар, женщины стояли с сумками, набитыми банками и пачками лапши, и молча смотрели в сторону. Один из них, пожилой, в выцветшей тубетейке, подошёл к хозяину, наклонился, что-то сказал. Стёпа не расслышал слов, но увидел, как старик покачал головой и протянул руку. Хозяин взял её, поднялся, вытер губу тыльной стороной ладони. Кровь размазалась по коже, оставив красный след.

Громила в майке-алкоголичке уже тащил к машине последнюю упаковку воды. Стёпа заметил, как он сплюнул на асфальт — вязкая, белая слюна, и почти сразу испарилась, оставив тёмное пятно, которое через минуту исчезло.

Стёпа стоял за углом, прижавшись к стене, и не мог оторвать взгляд. Бутылка с тёплой водой в руке казалась сейчас и сокровищем, и проклятием. Он рефлекторно сжал её сильнее — пластик хрустнул, и вода поднялась к горлышку. Он не пил. Берег.

Он смотрел, как мужчины загружают последнее, как хозяин магазина сидит на бордюре, опустив голову, и как никто из тех, кто только что грабил его, даже не взглянул в его сторону. В их глазах читалось что-то похожее на оправдание. «Нам тоже нужно», «У нас дети», «Так

надо». Но вслух никто не говорил ни слова. Только хриплое дыхание, только звук тяжёлых шагов по раскалённому асфальту.

Машины загудели, дёрнулись и поехали. «Дамас» ушёл первым, из его выхлопной трубы валил густой чёрный дым. Старый жёлтый «Жигуль» — следом, подпрыгивая на выбоинах. За ними потянулись люди с сумками — кто-то на велосипеде, кто-то пешком, прижимая к груди пакеты.

Хозяин остался один. Сидел на бордюре, смотрел на разбитый магазин, на пустые холодильники, на осколки стекла, которые блестели на солнце, и плакал. Из губы всё ещё сочилась кровь — он вытер её ещё раз, потом достал из кармана телефон, посмотрел на экран, что-то нажал. Бесполезно — сети не было. Стёпа видел это по его лицу: надежда сменилась пониманием, понимание — тупой, безысходной пустотой.

Стёпа хотел подойти, сказать что-то. Спросить, нужна ли помощь. Но ноги не слушались. Они хотели одного — бежать. Домой. Потому что снаружи уже была не просто жара. Снаружи начинался хаос, и этот хаос полз к его дому, к его родителям, к нему самому.

Он развернулся и пошёл. Быстро, насколько позволяли ноги. Прошёл мимо чайханы — старики исчезли. Только остывшие пиалы стояли на столах, и две мухи роились над ними. Прошёл мимо перекрёстка — регулировщика уже не было, и машины стояли, брошенные, с открытыми дверями. Иномарка с паром, идущим из-под капота, была покинута хозяином — водитель исчез, оставив дверцу открытой. Рядом валялся смартфон, разбитый, с треснувшим экраном.

Стёпа не останавливался. Он перешёл дорогу, не глядя по сторонам, — машин не было. Только пустые коробки, только брошенные вещи, только мусор, поднимаемый редкими порывами ветра — такого горячего, что он обжигал кожу.

Дома, в подъезде, он остановился. Сердце колотилось так, что он слышал его в ушах. Привалился к стене, сделал несколько глубоких вдохов — воздух в подъезде был спёртым, но хотя бы без марева и слепящего солнца. Закрыв глаза на секунду. Перед глазами был хозяин магазина — разбитая губа, кровь, слёзы и взгляд, в котором не было ни злости, ни обиды. Только пустота.

Он поднялся на свой 5 этаж, открыл дверь. Мать стояла у окна, отец — в коридоре с телефоном в руке. Они повернулись к нему одновременно.

— Света нет, — сказал отец. — Телефон садится.

— Я видел, — выдохнул Стёпа. — Магазин разнесли. «OSAYO». Воду тащили, консервы. Мать закрыла лицо руками. Отец медленно опустил телефон, положил на прихожую.

— Я думал, это не случится так быстро, — сказал он тихо. — Я думал, у нас есть день, два...

— Что случится? — спросил Стёпа. Голос его сорвался. — Что происходит, пап?

Отец посмотрел на него. В его глазах Стёпа увидел то же, что у хозяина магазина, только прикрытое плотнее. Броня трещала.

— Не знаю, — признался отец. Впервые в жизни он сказал «не знаю» и не добавил «но я разберусь». — Я просто не знаю.

Приговор

Свет появился ближе к вечеру — неожиданно, без предупреждения, будто кто-то щёлкнул тумблером где-то в недрах обесточенного города. Люстра под потолком зажглась мигающим жёлтым светом, отбрасывая на стены бледные пятна, которые почти не разгоняли мрак, но хотя бы давали иллюзию нормальности. Жара не отступала — за окнами стояла душная, липкая ночь, которая не приносила облегчения, только давила на грудь своей тяжестью, превращая квартиру в сауну.

Отец метался между телевизором и ноутбуком. Телевизор показывал гипнотизирующую картинку — полосы, шум, цветные помехи, которые меняли форму и цвет, будто все каналы мира разом сошли с ума и решили транслировать только хаос. Ноутбук то подключался к интернету на несколько секунд, то снова обрывался, и в эти короткие мгновения отец успевал открывать вкладки, читать заголовки, снова закрывать и открывать новые.

— Да что же это творится-то?! — процедил он сквозь зубы и в ярости щёлкнул кнопкой на пульте, будто это могло заставить телевизор заработать нормально. Пульт не помог. Экран продолжал показывать белый шум.

— Ничего не понять, — сказала мать. Она сидела на кухне, обхватив кружку с остывшим ромашковым чаем, и смотрела в одну точку. — Одни догадки. Ни одной внятной новости.

— Потому что никто не знает, — ответил отец, не оборачиваясь. — Или знают, но молчат. Что хуже — непонятно.

Стёпа сидел на диване и смотрел, как отец переключает вкладки, как на экране мелькают картинки, заголовки, ленты соцсетей. Всё это выглядело одинаково: панические посты, перепосты, крики о конце света. Он попытался разобрать хоть что-то конкретное — «ВСПЫШКА НА СОЛНЦЕ», «СКРЫТЫЕ ВОЕННЫЕ УЧЕНИЯ», «ЭТО КОНЕЦ» — но нигде не было фактов. Только страх, который множился и передавался, как вирус.

Вдруг отец замер. Палец застыл над тачпадом, взгляд приковался к экрану. Стёпа видел, как напряглась спина, как плечи поднялись и застыли в неестественном положении. Отец щёлкнул по файлу — тот открылся, и на экране появились сухие, безжалостные строки расчётов. Никаких картинок, никаких заголовков. Только цифры и буквы.

Стёпа поднялся с дивана, подошёл ближе, заглянул через плечо. Экран светился тусклым голубоватым светом, и на нём было написано:

температура $\propto L^{(1/4)}$

$L_{\text{new}} / L_{\text{old}} = 1.40$

$(1.40)^{(1/4)} \approx 1.087$

Базовая $T = 288 \text{ K}$ (15°C)

Новая $T = 288 \times 1.087 \approx 313 \text{ K} = 40^\circ \text{C}$

Он не понял смысла формул, но понял, что они важные. Слишком важные, чтобы отец смотрел на них с таким лицом. Лицо отца, всего секунду назад красное от злости и напряжения, стало бледнеть — медленно, неумолимо, как будто кто-то выкачивал из него кровь. Губы сжались в тонкую линию, на лбу выступила испарина.

— Что там такое, пап? — спросил Стёпа.

Отец не ответил. Он дочитал файл до конца, потом перечитал заново — медленно, водя пальцем по строчкам, будто боялся пропустить слово. Потом закрыл ноутбук, постоял секунду, глядя в стену, и повернулся к ним.

Мать подошла ближе.

— Что там, Рустам? — повторила она. Голос был тихим, но в нём звучала та же тревога, которую Стёпа слышал утром.

Отец молчал. Смотрел на неё, на Стёпу, потом снова на закрытый ноутбук. Потом резко развернулся и подошёл к шкафу. Стёпа видел, как он открыл дверцу, запустил руку внутрь и достал старый радиоприёмник — серый, с потёртыми боками, с надписью «Океан-80» на лицевой панели. Стёпа помнил эту штуку — отец купил её на местной барахолке месяц назад, сказал, что «хорошая вещь! - для коллекции», поставил на антресоль и забыл. Теперь он держал её так, будто от неё зависела жизнь.

— Зачем он тебе, это старьё? — спросил Стёпа.

— Телевизор всё врёт, — ответил отец, не оборачиваясь. — Интернет врёт или молчит. Радио — последнее, что работает, когда всё остальное ломается.

Он вставил батарейки в отсек — на контактах виднелись следы зелёных подтёков, окисление. Пальцы отца дрожали, когда он возился с крышкой. Щёлкнул тумблер включения, повернул ручку настройки. Динамик зашипел, выплёвывая в тишину комнаты какофонию звуков — треск, писк, обрывки чужих голосов, которые накладывались друг на друга, создавая кашу. Отец крутил ручку медленно, пытаясь выловить что-то внятное.

И вдруг, сквозь этот вой, прорвался голос. Чёткий, официальный, на узбекском. Диктор говорил ровно, но в его голосе Стёпа уловил ту же нарочитую спокойность, которую уже слышал сегодня слишком много раз.

«...повторяем, сохраняйте спокойствие. Не выходите на улицу без крайней необходимости. Уровень УФ-излучения превышает допустимые нормы. Рекомендуется находиться в помещениях с закрытыми окнами...»

Голос захлебнулся шипением, помехи накрыли его, и через секунду снова был только хаос — треск, шум, беспорядочные звуки.

Отец выключил приёмник. Щелчок тумблера прозвучал в тишине как выстрел.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Слышно было только дыхание — матери, отца, своё собственное, прерывистое и слишком громкое.

— Пап, — сказал Стёпа. Голос его сорвался, и он прочистил горло. — Что это значит?

Он показал на закрытый ноутбук, на формулы, которые успел запомнить. Отец перевёл взгляд на него. В глазах было что-то новое. Что-то, чего Стёпа никогда там не видел. Осознанность. И пришедшее понимание, которое тяжелее любого страха.

Отец обвёл их взглядом — жену и сына. Помолчал. Потом заговорил, и голос его звучал тихо, отчётливо, каждое слово отчеканено, будто он вбивал их в сознание.

— Это значит, что всё очень плохо. В двух словах не объяснить, но суть... — Он открыл ноутбук, показал на строчку « $L_{new} / L_{old} = 1.40$.» — Солнце стало излучать на сорок процентов больше энергии. Это не вспышка. Вспышка — это кратковременное событие, она длится часы, может, дни. Это другое. Это новая норма. Постоянная.

— Откуда он знает? — спросила мать. Голос дрожал, но она старалась держать его ровно.

— Мой друг из Минска. Климатолог. Он работал с аналитикой и оперативными данными последние сутки, — ответил отец и ткнул пальцем в расчёты. — Средняя температура планеты поднимется до сорока градусов. И это ещё не всё. Солнечная радиация разрушает озоновый слой. Ты слышала радио — УФ-излучение. Это не просто жара, это смертельный уровень.

Он закрыл ноутбук и сел на диван. Медленно, тяжело, будто из него вынули все кости.

— И что? Когда это произошло? И что с этим нам делать? — спросил Стёпа.

— Сегодня, — ответил отец. — Точнее, началось вчера, но мы заметили только сегодня. Солнце изменилось незаметно для глаза — чуть ярче, чуть горячее. Но данные говорят об этом.

— Но почему никто не предупредил?

Отец поднял на него глаза. Взгляд был тяжёлым, уставшим.

— Потому что никто не знал, — сказал он. — Или знали, но решили не сеять панику. Теперь паника посеет себя сама.

Мать стояла, привалившись к стене, и молчала. Стёпа смотрел на неё и видел, как её лицо медленно становится таким же серым, как у отца минуту назад.

— Пап, так что нам делать? — спросил он.

Отец ничего не сказал. Только покачал головой и посмотрел в окно, где за мутным стеклом лежала душная, горячая ночь. Город за окном тонул в темноте — только редкие огни, кое-где сохранившиеся в квартирах, и ни одной машины на дороге. Город вымер.

— Я не знаю, — наконец сказал отец. И это «не знаю» прозвучало тяжелее любой формулы. — Я просто не знаю.

Они сидели в тишине — втроём, в душевной комнате, под тусклой лампой, которая теперь казалась такой же обречённой, как и они.

— Мы должны уехать. Срочно. Вот прямо сейчас.

Голос отца стал твёрдым — таким Стёпа слышал его только в самые ответственные моменты, когда тот принимал решение, от которого зависело всё. Сейчас это был голос человека, который перешагнул через страх и оказался по ту сторону, где осталась только холодная, расчётливая решимость.

Отец стоял у окна, спиной к ним, и смотрел на тёмный город.

— Через горы, через Зааминский перевал. Там, в горах, должно быть прохладнее — не намного, но достаточно, чтобы мы могли дышать. Есть глубокие сталактитовые пещеры, я читал, местные пастухи укрываются там от зноя. Будем двигаться только по ночам. Днём, под этим солнцем, находиться на открытом воздухе нельзя. Ни минуты. Ультрафиолет убьёт быстрее, чем жара.

— Куда? — прошептала мать. Она стояла в дверях кухни, и Стёпа видел, как её пальцы сжимают край фартука — она до сих пор не сняла его, будто привычка готовить ужин могла сохранить нормальность. — Куда мы поедем, Рустам?

Отец повернулся. Взгляд его был тяжёлым, но в нём больше не было растерянности, которая появилась час назад, когда он смотрел на расчёты друга. Теперь там горела другая эмоция — собранность.

— Сначала к каналу. Нужно набрать воды. Потом — в горы. На север. Дальше — через границу, в Россию, потом в Беларусь. Туда, где есть вода. Где много воды, — повторил он, будто убеждая себя. — Мы должны добраться до больших рек. Там не может быть так, как здесь.

— Но как мы поедем? — спросил Стёпа. — Машина не заводится.

— Заведётся, — резко ответил отец. — Если я скажу ей завестись — она заведётся.

В его голосе прозвучала та самая уверенность, которую Стёпа слышал много раз — когда отец чинил сломавшийся насос, когда разбирался с проводкой, когда говорил, что «всё будет хорошо». Сейчас эта уверенность была последней опорой, за которую можно было ухватиться.

Отец подошёл к столу, развернул карту — старую, бумажную, которую хранил в ящике для документов. Провёл пальцем по линии.

— Итак, — сказал он. — Только рюкзаки и фляги. Бросаем всё, что не можем унести. Панамы, которые покупали в отпуск — широкие поля, прикрывают шею. Солнцезащитные очки. Арафатки из Египта — ими будем закрывать лица, дышать через ткань, чтобы не вдыхать горячий воздух. Одежда — максимально лёгкая, но закрывающая всё тело. Рукава до кистей, штанины до щиколоток. Паспорта и все наличные деньги. Карточки... — он горько усмехнулся, — можно выкинуть, карточки больше не понадобятся.

— А еда? — спросила мать.

— Консервы, сухари, всё, что есть в кухонном шкафу. Не больше десяти килограммов на человека. Каждый несёт свой рюкзак, своё снаряжение. Воду будем искать по пути.

Он поднял голову и посмотрел на них — на жену, которая всё ещё стояла в фартуке, на сына, который сжимал в руке пустую бутылку из-под воды. Его взгляд был твёрдым, но Стёпа видел, каким усилием держится эта твёрдость.

— Всё. Начинаем. Поехали!

Мать ушла на кухню собирать провизию. Отец метнулся в спальню — через минуту оттуда послышался звук открывающегося шкафа, падающих на пол вещей. Стёпа стоял посреди комнаты и смотрел на карту, оставленную на столе. Зааминский перевал. Горы. Север. Он никогда не думал о горах как о спасении. Раньше горы были просто горами — далёкими, синими на горизонте в ясные дни. Теперь они стали единственной надеждой.

Он пошёл в свою комнату, открыл шкаф. Руки двигались сами — достал рюкзак, начал складывать вещи. Три футболки, двое штанов, тёплая кофта — зачем?!? — на всякий случай. Носки. Он остановился, посмотрел на полку, где лежали книги — учебники, пара фантастических романов, которые он читал по вечерам. Не взял. Бросил.

Через сорок минут они стояли у двери. Отец проверил замки — уже бессмысленно, но привычка. Мать стояла с рюкзаком, который выглядел слишком тяжёлым для её плеч. Стёпа подошёл, потянул лямку.

— Дай мне часть, — сказал он.

— Я сама, — ответила мать, но голос дрогнул.

Отец открыл дверь, выглянул на лестничную клетку.

— Всё. Время. Поехали.

Машина — старенький «Нексия», которую отец купил через месяц после приезда, — стояла во дворе. Она выглядела раскалённой, будто побывала в печи. Отец открыл дверцу, сел за руль, повернул ключ. Двигатель чихнул раз, другой, потом завёлся — с хрипом, с надрывом, но завёлся.

— Я же говорил, — сказал он, и в голосе мелькнула тень прежней уверенности. — Садитесь, поехали!

Стёпа сел на заднее сиденье, мать — рядом с отцом. Машина тронулась, медленно поползла по пустому двору. За поворотом из двора открылась улица — широкая, та самая, по которой Стёпа шёл утром. Теперь она выглядела иначе. Пустая, выжженная, с брошенными машинами на обочинах. Возле парикмахерской горел костёр — кто-то жёг мусор или мебель, Стёпа не понял. Дым поднимался вверх, но не рассеивался, а висел в неподвижном воздухе, смешиваясь с маревом.

Воздух за окном дрожал, искажал очертания домов, делал их расплывчатыми, зыбкими, как миражи. Стёпа смотрел в окно и не узнавал город. Всё выглядело так, будто они ехали не по улицам, а по декорациям к фильму о конце света.

Канал был недалеко — минут пятнадцать езды. Дорога к нему проходила мимо частных домов, мимо пустого рынка, мимо чайханы, где утром сидели старики. Сейчас там никого не было. Только ветер поднимал пыль и гнал её по асфальту.

Когда машина свернула в махаллю, Стёпа увидел воду. Вернее, то, что от неё осталось.

Вместо канала — широкого, пусть и неглубокого, но полноводного, по которому летом ходили маленькие лодки, — перед ними лежало глиняное ложе, покрытое сетью глубоких трещин. Глина была серой, растрескавшейся, похожей на кожу старого, больного животного. По дну валялся мусор — пластиковые бутылки, обрывки целлофана, какой-то ржавый металл. Всё это лежало на высохшей земле, и солнце выжигало краски, превращая цвета в бледные, выцветшие пятна.

По самому центру ложа медленно, лениво струился ручеёк. Тонкий, мутный, грязный. Он был таким мелким, что едва доходил до колена, и Стёпа видел, как он мелеет прямо на глазах — вода уходила, испарялась, оставляя влажный чёрный ил, который через минуту начинал трескаться под солнцем. Пар поднимался над ручейком густой, дрожащей пеленой, будто земля истекала потом перед смертью.

Отец заглушил двигатель. Они вышли из машины и стояли на краю обрыва, глядя на то, что осталось от канала. Секунду никто не говорил.

— Этого не может быть, — прошептала мать. — Ещё вчера...

— Вчера был другой мир, вчера было вчера — ответил отец.

Он пошёл вниз, к ручейку. Стёпа — за ним. Ноги скользили по глине, кроссовки оставляли глубокие следы, которые тут же начинали трескаться. Подошли к воде. Отец опустился на корточки, провёл пальцами по поверхности — она была тёплой, почти горячей. Набрал в ладонь, поднёс к губам. Понюхал. Поморщился.

— Грязная, — сказал он. — Но пить можно. Фильтровать будем через ткань.

Стёпа отошёл чуть дальше вдоль берега. Глаза привыкали к серому, выжженному пейзажу, и он заметил что-то тёмное в трещинах глины. Подошёл ближе, наклонился.

Это была рыба. Довольно крупный сазан — он лежал, свернувшись дугой, на раскалённой глине. Чешуя его была матовой, покрытой слизью, но слизь уже высыхала, превращаясь в белёсую плёнку. Стёпа осторожно тронул рыбу пальцем — тело было твёрдым, горячим, неживым. Он перевернул её. Жабры были не красными, а белёсыми, обугленными, будто их ошпарили кипятком.

Рыба сварилась заживо в своей собственной среде.

Стёпа отшатнулся, вытер руку о штаны. В горле застрял ком.

— Пап, — позвал он. — Посмотри.

Отец подошёл, посмотрел на сазана. Не сказал ничего. Просто опустился на корточки, поднял рыбу, повертел в руках. Потом положил обратно.

— Вода стала слишком горячей, — сказал он. — Рыба не выдержала.

— Но рыбы же всегда живут в тёплой воде...

— Не в такой. — Отец вытер руки о штаны. — Это не просто тёплая вода. Это вода, в которой невозможно жить.

Они стояли над мёртвым сазаном, и Стёпа понял, что гибнет не просто канал. Гибнет целая экосистема. Всё, что жило в этой воде, всё, что зависело от неё, — всё это умирало прямо сейчас. Вода, которая была средой обитания, стала смертельным ядом.

Отец повернулся, посмотрел на дорогу, где у края стояла машина.

— Собираем воду, — сказал он. — Всё, что можем набрать. И уезжаем.

Он пошёл обратно, к машине. Стёпа остался на секунду — посмотрел на сазана ещё раз. Рыба лежала на раскалённой глине, и её глаза были белыми, мутными, как у покойника. Стёпа отвернулся и пошёл за отцом.

На дороге, на пыльном обочине, уже начали собираться люди. Кто-то приехал на машине, кто-то пришёл пешком с канистрами и ведрами. Среди них выделялся пикап, с которого мужики в мокрых майках сгружали пластиковые упаковки с питьевой водой. Надпись на боку пикапа была неразборчивой — Стёпа разглядел только буквы «FORD» и что-то ещё, замазанное грязью.

Цены были заоблачными. Стёпа услышал, как один из покупателей — пожилой мужчина в тюбетейке — спросил цену, и продавец назвал сумму, которая в обычный день стоила бы десяти бутылок. Покупатель замахал руками.

— Это грабёж! — крикнул он, и голос его сорвался на визг. — Ты что, с ума сошёл? Это же вода!

Продавец пожал плечами, отвернулся. Старик схватил его за рукав — тот дёрнулся, и между ними вспыхнула короткая, но жёсткая ссора. Через секунду она переросла в драку — кто-то ещё вклинился, кто-то толкнул, и вдруг вся очередь превратилась в давящую, орущую массу. Люди с животной яростью вырывали друг у друга пластиковые бутылки, хватали их, прижимали к груди, отталкивали соседей локтями.

Стёпа смотрел на это и не узнавал людей. Не жадность читалась в их глазах — жадность была бы понятной, привычной. В их глазах был страх. Панический, животный страх, который

выключает разум и включает только инстинкты. Они дрались не за деньги, не за наживу. Они дрались за глоток жизни.

Отец подошёл к нему, положил руку на плечо.

— Пойдём, — сказал он. — Это не наше дело.

— Но они...

— Мы не можем им помочь. У нас нет воды, чтобы раздавать. Мы должны спасти себя.

Стёпа хотел возразить, но не нашёл слов. Потому что отец был прав.

Они стояли у машины, смотрели на драку, на ручеёк, который мелел у них на глазах, на мёртвую рыбу на глиняном дне. Город за спиной умирал, и они были частью этого умирания.

— Поехали, — сказал отец.

Они сели в машину. Двигатель на удивление, завёлся, и «Нексия» медленно покатила прочь от канала, оставляя позади хаос и мёртвую воду.

Машина ползла по пустой дороге. Шевроле двигался медленно — двигатель перегревался, стрелка температуры на панели подбиралась к красной зоне, и отец то и дело поглядывал на неё, будто мог заставить стрелку отползти назад силой взгляда. Кондиционер не работал — он сдох вместе со всем остальным, — и воздух в салоне был горячим, спёртым, пропитанным запахом пота, пластика и бензина.

Стёпа сидел на заднем сиденье, прижав к груди рюкзак с водой — они набрали несколько бутылок из ручья, мутных, с илом на дне. Мать фильтровала их через кусок марли, которую нашла в аптечке, и теперь вода отстаивалась, но всё равно оставалась мутной, с неприятным привкусом глины. Он пить не хотел — странно, при такой жаре, но горло пересохло настолько, что даже слюны не осталось. Только сухость и привкус меди.

Отец крутил ручку радиоприёмника — тот самый «Океан-80», который он взял с собой. Динамик хрипел, выплёвывал обрывки голосов, музыку, шипение. Ничего внятного. Только помехи, которые накладывались одна на другую, создавая какофонию.

— Бесполезно, — сказала мать. — Всё равно ничего не слышно.

— Слышно, — ответил отец. — Надо просто поймать волну.

Он крутил медленно, осторожно, будто настраивал музыкальный инструмент. И вдруг сквозь шипение прорвался голос. Чёткий, английский, с сильным акцентом — диктор говорил быстро, почти скороговоркой, но слова были разборчивыми. Стёпа понимал английский плохо, но отец слушал внимательно, и его лицо менялось — с каждой секундой оно становилось всё более напряжённым.

— Что там? — спросила мать.

Отец поднял руку, заставляя замолчать. Динамик хрипел, голос пробивался сквозь помехи, и вдруг он стал громче, отчётливее.

«...повторяю экстренное сообщение... уровень Мирового океана... катастрофический рост... цунами...»

Отец перевёл на них взгляд. Глаза у него были безумными — такими Стёпа никогда не видел. В них не было страха. В них было что-то хуже. Осознание.

— Океан, — сказал он тихо. — Он поднимается. Повсюду. Уже.

Голос в динамике срывался на крик, заглушаемый нарастающим рёвом. Это был не диктор в студии — это был репортёр на месте, застигнутый апокалипсисом где-то на побережье. Стёпа слышал его дыхание, слышал, как он пытается говорить, но голос ломается, переходит на визг.

«...вода... она просто ушла от берега... обнажила дно на сотни метров... а теперь... о боже... теперь она возвращается... это стена... ЧЁРНАЯ СТЕНА ВОДЫ ВЫШЕ НЕБОСКРЁБОВ!»

Стёпа замер. Руки сжали рюкзак так, что побелели костяшки. Он не мог оторваться от динамика, от этого чужого, истеричного голоса, который звучал так, будто его обладатель уже стоял на пороге смерти.

«Она не пенится... она тёмная... тяжёлая... как будто само море поднялось на дыбы, чтобы стереть нас с лица земли... слышите этот грохот? Это не волна... это обрушение мира!»

Голос репортёра задыхался, перекрываемый нарастающим гулом. Стёпа слышал этот звук — он доносился из динамика, но казалось, он заполняет весь салон, всю машину, весь мир. Гул, который рос, превращался в рёв, в грохот тысяч землетрясений, в звук, от которого закладывало уши даже через приёмник.

«...она вбирает в себя обломки зданий, корабли... всё... она несёт в себе целый город... бегите! Это не волна. Понимаете? Это нечто иное. Сначала... тишина. Да, тишина. Море ушло. Ушло так далеко, что виден проржавевший каркас затонувшего сто лет назад сухогруза! Рыбы бьются на илистом дне. И все замерли... а потом... появляется звук...»

Отец смотрел в одну точку — на приборную панель, на стрелку температуры, которая дрожала на красной черте. Мать закрыла лицо руками. Стёпа смотрел на отца и ждал, что он скажет «выключи», но отец не говорил. Он слушал, и в его глазах что-то рушилось.

«...она не обрушивается — она надвигается. Медленно, неумолимо, поглощая свет и звук. Она всасывает в себя портовые краны, и они ломаются, как спички. Она заглатывает небоскрёбы, и те не падают, а просто... растворяются в этой чёрной массе. Это не стихия. Это — конец геологии. Это океан, восставший против суши. Он не наступает — он возвращает себе своё. И несёт с собой не пену, а месиво из битого бетона, металла и тел... БЕГИТЕ! БЕГ...»

Передача оборвалась на самом пике крика. Резко, будто кто-то перерезал кабель. Сначала — голос, потом — оглушительный скрежет, и радиоприёмник умер. Только шипение, однородное, белое, бессмысленное.

Отец медленно выключил приёмник. Щелчок тумблера прозвучал в салоне как выстрел. Тишина. Только гул мотора, который работал на холостых, и дыхание — частое, прерывистое.

Стёпа смотрел на отца. Тот сидел, уставившись в пустоту. Губы его шевелились, но слов не было слышно. Стёпа наклонился вперёд, чтобы разобрать.

Отец беззвучно шептал:

— Мальдивы... Сейшелы... всё... Флорида, Нью-Йорк... Венеция... Лондон... Нидерланды... всё под водой... Там люди тонут... а мы...

Он обвёл взглядом салон, потом посмотрел в окно — на выжженный, умирающий канал, который остался позади, но всё ещё был виден в зеркалах заднего вида.

— А мы умираем от жажды.

Мать заплакала. Тихо, беззвучно, только слёзы текли по щекам, и она не вытирала их. Стёпа смотрел на неё и не знал, что сказать. Хотел обнять, но не мог двинуться — тело перестало слушаться.

Он посмотрел в окно. Небо было выпцветшим, белёсым, безоблачным. Солнце стояло в зените, и его свет был белым, ослепительным, опасным. Он подумал о том, что где-то там, за тысячи километров, чёрная стена воды сейчас смывает города. Целые города. С небоскрёбами, портами, кораблями, людьми. И люди тонут в этой чёрной массе, задыхаются, исчезают — а здесь, в этом сухом, выжженном аду, другие люди умирают от жажды.

Мир перевернулся. Он сошёл с ума. И они были заложниками этого безумия.

Отец медленно повернул голову и посмотрел на них.

— Мы поедem дальше, — сказал он. Голос его звучал глухо, но в нём появилась та же стальная нотка, что была дома. — Мы не остановимся. Мы доберёмся до гор.

— А если там тоже? — спросила мать. — Если и там...

— Значит, будем идти дальше. Пока есть силы.

Машина дрогнула, тронулась с места. Дорога уходила вперёд, пустая и прямая, уходящая к горизонту, где уже начали проступать очертания гор — синие, далёкие, пока ещё недостижимые.

Стёпа откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. В ушах всё ещё звучал голос репортёра — его крик, его последние слова перед тем, как чёрная стена накрыла его. Он пытался представить это — стену воды выше небоскрёбов, которая движется не как волна, а как оползень. Не мог. Мозг отказывался рисовать такую картину.

Но он знал: это происходит. Где-то там, за горизонтом, мир умирал. И они тоже умирали — медленно, в жаре, в пыли, в этом бесконечном сухом аду.

Но они ехали. И пока они ехали, была надежда.

Часть 2. Пешком.

Поход был похож на бегство сквозь кипящую воду. Они пробирались по ночам, под чёрным, беззвёздным небом, которое, казалось, тоже излучало жар. Днём отсиживались в заброшенных сараях, в оврагах, под мостами — где угодно, лишь бы не видеть то слепящее, убийственное солнце. Машину пришлось бросить у подножия гор — дорога превратилась в каменистую тропу, а топлива просто не стало.

Когда они, измождённые и покрытые пылью, наконец вступили в ущелья Заамина, их взору открылся пейзаж, более подходящий для чужой, умирающей планеты, чем для Земли.

Раньше эти пики, даже летом, сверкали на солнце белыми шапками. Теперь снег исчез. Бесследно. Будто его и не было. Горы стояли голые, выжженные, цвета ржавого железа и пепла. Каменные громады уходили в выцветшее, белёсое небо, их склоны были испещрены глубокими трещинами, словно потрескавшаяся кожа гигантского иссохшего существа. Воздух дрожал над раскалёнными камнями, и ветер, который должен был быть прохладным в горах, дул им навстречу сухим, горячим сквозняком из гигантской печи. Ни дерева, ни кустика — лишь редкие, обугленные скелеты саксаулов, торчащие из щелей, как кости умерших великанов. Мир был мёртв и молчалив.

Окрестности напоминали инопланетный ландшафт из низкобюджетного, но пугающе реалистичного фантастического фильма. Бескрайнее плато, усыпанное камнями причудливой формы — одни были похожи на гигантские черепа, другие на оплавленные кристаллы. Ярко-рыжая пыль покрывала всё вокруг, поднимаясь клубами при каждом шаге и оседая на одежде и лице, въедаясь в поры. Горизонт колебался в мареве, искажая очертания скал, превращая их в зыбкие, угрожающие миражи. Ни звука птиц, ни шороха ящериц — только свист горячего ветра, завывающего в каменных лабиринтах, да треск остывающих пород. Это был марсианский пейзаж, перенесённый на Землю волей безумного бога. Солнце висело в небе не жёлтым диском, а ослепительно-белым ядром, выжигающим последние следы жизни.

Они шли, почти не надеясь, что куда-то в принципе дойдут, пока отец не указал на тёмный провал в скале, почти незаметный за нагромождением валунов.

Передышка.

Вход в пещеру был узким, и им пришлось протискиваться по одному. Но внутри...

...их встретила тишина. Такая глубокая, что собственное дыхание казалось оглушительным. Стёпа замер, давая глазам привыкнуть к темноте, и понемногу из мрака начали проступать очертания. Пещера оказалась просторной — свод уходил вверх, теряясь в черноте, а стены расходились в стороны, создавая ощущение огромного каменного зала. Воздух здесь был другим — не прохладным, но хотя бы не обжигающим. Он стоял плотный, неподвижный, с запахом сырой земли и старого камня.

Мать вошла следом, тяжело дыша. Стёпа слышал, как она остановилась за его спиной, как её дыхание постепенно выравнивалось.

— Темно, — сказала она.

— Надо подождать, — ответил отец. Голос его звучал глухо, отдаваясь эхом от стен. — Глаза привыкнут.

Они стояли и ждали. Глаза действительно привыкали — понемногу Стёпа начал различать детали. Стены были неровными, с выступами и углублениями, будто их кто-то грубо вырубил, а потом бросил, не закончив работу. На полу лежал толстый слой пыли, и его собственные следы выглядели тёмными пятнами на сером камне.

— Вглубь пойдём, — сказал отец и двинулся первым.

Он шёл медленно, выставив руки перед собой, ощупывая пространство. Стёпа шёл за ним, держась за край рюкзака, чтобы не потеряться в темноте. Сзади — мать. Они продвигались осторожно, шаг за шагом, прислушиваясь к шороху собственных шагов и редким звукам, которые рождала пещера.

Где-то в глубине что-то капало. Редко, мерно, как замедленное сердцебиение.

— Вода, — прошептал Стёпа.

Отец остановился. Прислушался.

— Да, — сказал он. — Похоже на то.

Они пошли на звук. Капли падали с интервалом в несколько секунд, каждая гулко отдавалась в каменном мешке, разрывая тишину. Стёпа ощущал, как его шаги становятся быстрее, как дыхание сбивается. Вода. Они нашли воду.

Отец остановился, когда капли зазвучали совсем рядом. Стёпа подошёл к нему и увидел: на полу, в небольшом углублении, блестела тёмная поверхность. Маленькая лужица, не больше тарелки, но она была там. Вода.

Отец опустился на колени, протянул руку и коснулся поверхности.

— Холодная, — сказал он. Голос дрогнул. — Пить можно.

Он набрал в ладонь, поднёс к губам. Сделал глоток. Ещё один. Стёпа видел, как он закрыл глаза и замер, держа воду во рту.

Потом отец повернулся к ним.

— Осторожно пейте. Маленькими глотками.

Мать опустилась на колени рядом. Стёпа — следом. Вода коснулась губ, и он почувствовал, как она прохладна — по-настоящему прохладна, не та тёплая жидкость, к которой они привыкли за последние дни. Она обожгла горло, но по-другому — живительно, возвращала к жизни. Он пил и не мог остановиться, пока отец не положил руку ему на плечо.

— Хватит, — сказал он. — Лопнешь. А потом - слипнется.

Стёпа оторвался от лужицы. Сделал глубокий вдох.

— Там, наверное, ещё есть, — сказал он, глядя в темноту, откуда продолжали падать капли. — Ручей. Или источник.

— Может быть, — ответил отец. — Сейчас не важно. Сейчас мы нашли воду. Мы можем здесь переждать день.

Они сели у стены, прижавшись друг к другу. В пещере было темно и тихо. Только капли падали в воду, каждая словно вбивая гвоздь в тишину. Стёпа смотрел в темноту и не мог поверить, что они сделали это. Они дошли.

— Здесь можно жить, — сказал он.

Отец молчал. Потом ответил:

— Жить можно. Но недолго.

— Почему?

— Вода кончится. Или её станет слишком мало для всех. Мы не одни такие, Стёпа. За нами идут другие.

Стёпа не нашёлся с ответом. Он просто сидел, слушал капли и чувствовал, как холодок — настоящий, живой холодок — расползается по телу, успокаивая измученное жарой тело. Впервые за несколько дней ему не хотелось умереть.

Он закрыл глаза.

Стёпа проснулся от тишины.

Не той благословенной тишины, что бывает в лесу, а гнетущей, абсолютной. Вместо привычного утреннего гула машин, криков торговцев и даже стрекота цикад — ничего. Лишь вечный, неумолимый метроном падающих капель, отбивающий секунды в недрах горы, и приглушённое, тоскливое завывание ветра снаружи, напоминающее, что мир там, за камнем, мёртв. Да, ещё в ушах звон.

Он лежал, глядя в потолок, теряющийся в темноте, и осознание накатило на него с новой, леденящей силой. Эта пещера, эта вода — не спасение. Это всего лишь пауза. Передышка, которую дал им случай, и которая рано или поздно кончится.

Отец уже не спал. Он сидел у озера, и в свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня — жёстким и непроницаемым. Увидев, что Стёпа не спит, он кивнул.

— как будто тысяча лет прошла, — хрипло пошутил Стёпа, пытаясь разрядить обстановку.

— Всего одна ночь, — поправил его отец без тени улыбки. — И нам нужно решить, как прожить следующие. Совещание. Сейчас. Нельзя тянуть, решать нужно что-то.

Мать проснулась от их голосов. Она села, поправила спутанные волосы, и Стёпа увидел, как сильно она осунулась за эти дни — скулы заострились, глаза впали. Она посмотрела на них, потом на отца, и кивнула.

— Я с удовольствием слушаю ваши голоса.

Они уселись втроём у чёрной воды, и отец, словно полководец перед решающей битвой, выложил на плоский камень всё их богатство.

Три банки консервов. Две с зелёным горошком, одна с кукурузой.

Полторы алюминиевые фляги. Полторы — потому, что одна не герметична. Обе они до краёв наполнили водой из озера.

Небольшой мешочек с сухарями, оставшимися с дороги.

Отец разложил всё это перед ними, и Стёпа смотрел на скудные припасы и не верил своим глазам. Три банки. Полторы фляги. Горсть сухарей. Это всё, что осталось от их прежней жизни.

Факты висели в воздухе, безжалостные и простые. Этого хватит на два, максимум три дня самой скудной пищи. Потом — голод. С водой, но голод.

Отец поднял глаза на них.

— Сидеть здесь — значит подписать себе голодный приговор, — он развёл руками. — Нужно идти. Но куда?

— Посмотрим, что там, снаружи, — шутя предложил Стёпа. — Может, что-то изменилось, может зима началась.

Отец посмотрел на него. Помолчал.

— Может, началась, — сказал он. — А может, нет.

— Но мы должны знать, — настаивал Стёпа. — Мы не можем сидеть здесь и ждать, пока кончится еда.

Мать промолчала. Она смотрела на консервы, на фляги, и её лицо было неподвижным.

— Сын прав, — наконец сказала она. — Нужно знать, что там.

Отец после недолгого раздумья согласился. Он кивнул, поднялся, забрал фонарь.

— Идём вдвоём. Ты и я. Мама останется здесь.

— Я боюсь одна, — сказала мать.

— Мы вернёмся через полчаса, — ответил отец. — Просто посмотрим, что снаружи.

Они вдвоём, крадучись, словно боялись потревожить саму гору, подобрались к узкому входу в пещеру. Стёпа шёл за отцом, чувствуя, как сердце колотится в груди. Вход был всё таким же узким — пришлось протискиваться боком, прижимаясь к прохладному камню.

Степан выглянул из щели, шурясь от ослепительного белого света. Пейзаж за ночь не изменил своего смертного обличья. Тот же выжженный, растрескавшийся ад под белым, палящим солнцем. Тоска сжала ему сердце.

Он уже хотел отступить назад, когда почувствовал, как отец, стоявший чуть сзади, резко выдохнул.

— Смотри, — его голос прозвучал сдавленно. — На север.

Стёпа перевёл взгляд. И увидел.

На самом горизонте, там, где небо должно было сливаться с выжженной землёй, клубилось нечто чудовищное. Это были не просто облака. Это была гигантская, свинцовая стена, медленно и неумолимо ползущая по небосводу. Её края были рваными, клочковатыми, а изнутри её постоянно, без перерыва, били молнии. Не одиночные вспышки, а целые каскады ослепительно-белого огня, которые пронизывали тучу, заставляя её на секунды вспыхивать изнутри багровым заревом. До них докатывался отдалённый, глухой рокот — не раскаты, а сплошной, низкочастотный гул, похожий на злобное ворчание разбуженного титана.

Стёпа смотрел на эту стену и не мог отвести взгляд. Она двигалась. Медленно, но неумолимо — она ползла по горизонту, закрывая собой небо, и от неё исходила такая мощь, что даже здесь, в горах, за десятки километров, он чувствовал её присутствие.

— Что это за фигня? — прошептал он.

Отец молчал. Его лицо было серым, и Стёпа видел, как он сжимает кулаки.

— Я не знаю, — сказал он. — Но эта фигня движется.

— Гроза? — прошептал Стёпа.

— Не просто гроза, — поправил отец, и в его голосе, впервые за много дней, прорвалась живая, почти болезненная нота надежды. Он схватил Стёпу за плечо, и его пальцы впились в кожу. — Смотри, какая мощь! Такие тучи... они не могут быть пустыми! Там должен идти дождь! Дальнейшая моя логика, следующая: там, где дождь — там будет вода и жизнь. Там, где дождь — нет пекла. Там где дождь — там будет жизнь. Не знаю, прав я или нет, но выбрать нам не приходится.

Это слово — «дождь» — прозвучало как манифест, как молитва. Оно висело в воздухе, затмевая собой вой ветра и тиканье капель. Оно было их целью. Их единственным шансом.

Взглянув друг на друга, они молча вернулись вглубь пещеры, к матери. Теперь у них был не просто путь на север. У них была цель. Они решили идти к грозе.

Стёпа смотрел на отца, на мать, на их отражения в чёрной воде озера — там, в глубине, они стояли вниз головой, и это выглядело правильнее, чем то, что происходило наверху. Решение не озвучивали. Оно висело между ними, влажное, тяжёлое, и мешало ему дышать.

Можно было сидеть дальше. Ждать. Считать банки горошка, которые с каждым днём становились тяжелее — от осознания, что их меньше, чем вчера. Надежда — она ведь тоже

консервированная, срок годности истекает, и крышка не клацает, не предупреждает. Просто однажды открываешь, а там — пустота. И воздух. И ничего, что можно было бы съесть.

Отец щёлкнул ножом — старый «Colambia», ещё с той жизни, когда им открывали бутылки с пивом на даче у дяди Саши. Сейчас лезвие скользнуло по прорезиненной ткани форменной куртки "Бундесвера", и та поддалась с противным хрипом, будто сопротивлялась даже мёртвая. Куртку отец разрезал на квадраты. Молча. Без сожаления. Стёпа поймал себя на мысли, что отец не моргнул даже, когда лезвие прошло по рукаву — там, где он сам подшивал подкладку ещё прошлой осенью.

— Помоги, — сказал отец и кинул ему моток ниток, не глядя. Нитки были хирургические, из аптечки — толстые, как леска. Стёпа сунул их в рот, смочил слюной, чтобы легче шли в иглу. Раньше он так всегда делал, когда мать учила его пришивать пуговицы. Теперь он сшивал водяные мешки.

Мать перебирала рюкзаки у дальнего камня. Она не выбрасывала вещи, она просто — перекладывала. Каждую банку она брала, взвешивала на ладони и клала либо в один рюкзак, либо в другой. Потом взвешивала снова. Потом меняла местами. Стёпа не спрашивал, что она ищет. Она сама не знала. Она искала вес, который можно было бы потерять, и не находила. Потому что всё уже было потерей.

— Если воду разольём, назад не вернёмся - голос у мамы был сухой, без интонации, просто констатация факта.

— Не разольём, — ответил отец, не поднимая головы. Лезвие ножа остановилось у самого горла куртки, у ворота, где ткань была двойная, усиленная. Он резал медленнее, аккуратнее, и Стёпе показалось — отец прощается. Не с курткой. С чем-то, что в ней осталось. С запахом. С памятью.

Ветер снаружи завыл — не как животное, а как труба, через которую кто-то дует, очень старательно, но без музыки. Стёпа вздрогнул, игла кольнула палец. Кровь выступила круглой каплей, смешалась с слюной на нитке. Так прочнее.

— Слышите? — мать замерла с флягой в руке.

Тишина. Только ветер. Только камни осыпаются где-то снаружи, где-то внизу по склону. И вода в озере — она двигалась, чёрная, маслянистая, без волн. Стёпа посмотрел на неё, и показалось — под поверхностью что-то шевельнулось. Но не рыба. Ничего там не могло быть.

— Слышу, — сказал отец и поднял взгляд. — Это просто ветер. Мы выходим, когда стемнеет.

Куртка была разрезана на шесть фрагментов. Три мешка сшили сразу — для отца, для Стёпы, для матери. Третий получился кривой, из капюшона, но Стёпа не стал переделывать. Главное, чтобы не текло. Всё равно течь будет — вопрос времени. Всё равно всё протекает, и вода, и жизнь, и эта дурацкая нитка, которую он смочил, а она всё равно пушится и не хочет держать узел.

Отец затянул последний шов, откусил нитку зубами. Остатки куртки — бесформенные лоскутья — скатал в комок и сунул под камень. Не выбросил. Просто спрятал. На всякий. На потом. Для кого — Стёпа не спросил.

Мать разложила рюкзаки в ряд. Три штуки, одинакового веса — она таки добилась равновесия. В каждом — по пачке сухарей, по горсти соли в полиэтилене. Фляги — две, у отца и у Стёпы. Мать взяла пустую поллитровую банку из-под варенья, которую хранила в отдельном чехле, и пристроила её сбоку, примотала ремнём. Стёпа хотел сказать — разобьётся, но мать перехватила его взгляд.

— Не разобьётся, — сказала она. — Я постараюсь.

Она говорила это не ему. Она говорила это банке. И банка ничего не возразила.

День выцветал снаружи медленно, будто старая фотография в тёмной комнате. Светлая полоса у входа стала жёлтой, потом оранжевой, потом — серой. Стёпа сидел на корточках,

обхватив колени, и смотрел, как тени выползают из-под камней и ползут вниз, к пещерному озеру, касаются воды, касаются его лица.

— Отдыхайте, — сказал отец, когда солнце уже ушло за хребты. — Как совсем стемнеет — выходим.

Они легли на полу. Мать — спиной к отцу, но так, чтобы касаться его плеча. Стёпа — лицом к проходу, к свету, который умирал, и не мог сомкнуть глаз. Потому что страх — это не когда темно. Страх — это когда свет уходит, и ты знаешь, что обратно он не вернётся. А ты всё равно смотришь и смотришь, будто он передумает. Будто у света есть воля. Будто ему есть до тебя дело.

Тьма пришла не сразу. Она просачивалась, как вода через кривой шов наших импровизированных мешков для воды. Сначала остыл воздух. Потом исчезли цвета. Потом — очертания камней, и только звуки остались: дыхание матери, храп отца во сне, ветер, который теперь не выл, а дышал — ровно, тяжело, как больной.

Стёпа не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, три. Отец сел, не зажигая света. Стёпа услышал, как скрипнула ткань — отец натягивал рюкзак.

— Вставай, — сказал он, и голос его был низким, без вопроса. — Пора.

Мать уже стояла — Стёпа не слышал, когда она поднялась. Она стояла у входа, согнувшись, держалась рукой за скалу, и смотрела наружу. На неё падала темнота. Всё, что осталось от дня, — редкие звёзды, которые дрожали на небе, слишком далёкие, слишком холодные, чтобы давать свет. Но воздух снаружи был другим — густым, тёплым, он пах пылью и гарью. И чем-то еще. Чем-то, что не пахло пещерой. Чем-то живым.

— Поехали, — сказал своё любимое слово отец, и положил Стёпе руку на затылок. Ладонь была сухой и твёрдой, и Стёпа хотел её отодвинуть. Но не отодвинул.

Он встал. Поправил ляжку рюкзака — она врезалась в плечо сразу, как только он поднялся. Мешок с водой стукнул по бедру, холод пробил сквозь ткань штанов. Во рту пересохло — от страха, от ожидания, оттого что три часа лежал и не мог глотнуть, боялся, что вода кончится здесь, не начавшись.

Они вышли.

Холодок пещеры — липкий, сырой — отступил и остался за спиной. Снаружи их встретила темнота. Не чёрная — та, которая бывает в городах после отключения света. А густая, маслянистая, тёплая. Она окутывала, обволакивала, заполняла рот и ноздри, и дышать в ней было трудно не от запаха. От её веса.

Стёпа оглянулся. Вход в пещеру был — чернее темноты. И они вышли из него, как изнутри большого зверя, который наконец выдохнул их наружу.

— Север там, — сказал отец, кивая куда-то вправо. — Гроза далеко. Мы её не видим, но она есть. Мы пойдём на звук.

— Какой звук? — спросила мать. В голосе была усталость, которую нельзя было надеть в рюкзак. И которую нельзя было оставить в пещере.

— Услышишь, — ответил отец. И шагнул первый — тяжело, приминая подошвами спекшуюся землю, которая хрустела, как старый лед.

Стёпа пошёл за ним. Потом мать. Они не держались за руки, потому что руки были заняты. Но их шаги — отцовские, его собственные, материнские — ступали почти в один ритм. Не потому, что они старались. Просто жить вместе долго — и шаги становятся общими.

Ветер тронул лицо — тёплый, сухой, и пахло от него горелым. Север, где должна была быть гроза, чернел ровно, без просветов. Там не было молний. Там не было ничего.

Только тишина.

И они шли в неё, не зная, что там. Зная только, что назад — уже нет дороги. Только тень входа в скале, которая становилась всё меньше, всё дальше, и вот уже её не отличить от трещины, от пятна на камне, от собственного страха.

Стёпа шёл и смотрел под ноги. Земля была чёрной, потрескавшейся, и в трещинах — что-то белое. Не кости. Соль. Выступившая на поверхность, как пот в морщинах на лбу отца.

— Мы не умрём, — сказал Стёпа вслух, и голос его прозвучал глухо, будто он говорил через тряпку. Он не знал, кому это сказал. Отцу? Матери? Себе?

Отец не обернулся.

— Рано или поздно, сынок, мы все умрём, — повторил он, и это прозвучало не как обещание, а как констатация факта.

Но он не сказал — когда. И Стёпа понял, что это и есть ответ.

Ноги выбирали дорогу сами — перебирали камни, обходили трещины, искали, где плотнее. Стёпа почти не смотрел вперёд, только на пятки отца, которые мелькали в узком конусе света. Свет был жёлтым, хилым, он дрожал на каждой кочке, и от этой дрожи казалось, что земля под ногами дышит. Или они сами дышат так сильно, что воздух толкает луч из стороны в сторону.

Стёпа обернулся — в который раз. Там, за спиной, пещеры уже не было. Была тьма, которая съела горы, съела следы, съела даже память о том, что они откуда-то вышли. Остался только этот узкий жёлтый круг, в котором мелькали отцовские ботинки, и гул. Гул с севера, который не прекращался ни на секунду и уже не казался звуком — он проник под кожу, поселился в грудной клетке, и теперь Стёпа чувствовал его не ушами, а всем телом. Как будто внутри него работал двигатель.

На севере небо полыхало. Молнии били одна за другой — белые, как сварка, и багровые, как ржавчина. Они не освещали землю, они её разрезали. Стёпа смотрел на этот фейерверк и не мог понять: нравится ему или страшно. Может, и то и другое. Когда долго живёшь без света, даже гибель кажется красивой, если она светится.

— Сколько ещё? — спросила мать. Голос у неё был сдавленный — она наступила на осыпь, и нога ушла вниз по щебню, она удержалась, но рюкзак дёрнулся, и лямка врезалась в плечо. Она не ойкнула. Просто переставила ногу и пошла дальше.

Отец не обернулся.

— Не знаю.

— Ты должен знать, ты всегда всё должен знать!

— Мы должны идти. Остальное само-собой произойдёт.

Стёпа шёл и слушал этот разговор, который не был разговором. Он был привычкой. Мать спрашивала, отец отвечал, но никто не ждал ответа. Просто голоса — чтобы не потеряться в тишине между ударами грома. Между этими белыми вспышками, которые на секунду вырывали из тьмы острые скалы, похожие на зубы. Стёпа видел их в этих коротких вспышках — они стояли вокруг, огромные, чёрные, с белыми прожилками кварца. Как будто мир был костяком, и они шли по его рёбрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.